

*Герои и события этой книги
вымышлены.
Любое совпадение случайно.*

Пролог

Старик с самого утра плохо себя чувствовал. Сначала решил — давление подскочило. Померил, оказалось нормальное. Не как у космонавта, естественно, но для его возраста просто отличное. Старик был метеозависим и мог бы свалить все на погоду, но погода стояла чудесная. Прохладно для первой половины мая, но солнечно. Он любил именно такую погоду. Поэтому выполз из своей норы со складным стульчиком. Еще пять лет назад он много гулял по хорошей погоде. Прохаживался по обширному парку, находящемуся неподалеку, радуясь тому, что парк мало изменился. Город, в котором он родился и вырос, будто вывернули наизнанку. Был респектабельным, размеренным, в хорошем смысле провинциальным и самобытным, а теперь — кичливый, шумный, перегруженный, застроенный махинами торговых центров, стоящий в бесконечной пробке. Даже Волга, на берегу которой город был основан восемьсот лет назад, как будто стала менее величественной. Обмелела, ее берега заковали в цемент, а на мостах, соединяющих две части города, и днем и ночью толклись машины, воняя выхлопными газами и нарушая пронзительными гудками гармонию.

Старик мог говорить об этом бесконечно. Но его никто не слушал. Поэтому он ругался себе под нос, сидя на раскладном стульчике во дворике своего дома, частично сползшего с речного откоса. В этом доме он обитал один. Другие жильцы уехали. Вселились в гигантские коробки из шлакоблочных плит. А он остался, хотя квартиру дали и ему.

При старике был термос со сладким чаем с ложкой бальзама, единственного алкогольного напитка, который он употреблял. Когда был моложе, стопку. Теперь, на исходе жизни, ложку. Налив себе чаю, старик сначала понюхал его и, насладившись ароматом, пригубил. Что бы ни думали молодые, а в глубокой старости тоже есть место удовольствию. Пусть оно и не такое яркое, как секс или покорение снежной вершины, все равно жизнь полна радостей. Тех, маленьких, что не замечаются, когда ты в расцвете сил.

Умирать старику не хотелось. Хотя уже пожил, и, кроме маленьких радостей, в этом мире его ничего не держало: ни семьи, ни близких друзей. Но, просыпаясь утром, он всегда благодарил Небеса за то, что получил еще один день.

— Привет, старик, — услышал он и обернулся на голос. — Помнишь меня?

Старик кивнул. Память его в последнее время все чаще подводила, но он еще не выжил из ума.

— Ты приготовил деньги?

— Я же тебе говорил — у меня нет денег.

— Не может быть. Ты, как Кощей, чах над золотом долгие годы. Копил, не тратил. Живешь сейчас в развалюхе и говоришь, нет денег? Не верю.

— Как хочешь, — пожал плечами старик.

Он знал, что его сейчас убьют. И хотя не торопился на тот свет, думал о том, что сегодняшний день не самый плохой для смерти. Старик сделал еще один глоток чая и устремил свои выцветшие глаза в ясное небо. Лицо обдало теплым ветерком. Как будто Всевышний погладил по щеке, успокаивая.

И старик, который не верил в Бога, начал молиться. Не как положено — его не научили, как это делать, а по-своему. Впервые в жизни. Но он не успел закончить. Почувствовав на своей шее, которую еще секунду до этого согревал шарф, ледяное прикосновение, он прервался. Прикосновение обожгло до боли! И пришел страх. Жуткий, панический. Страх, перед которым не устоять. Стари-

ку показалось, что сама Смерть обхватила его горло своими пальцами. И сразу захотелось жить. Пусть еще капельку. Хотя бы минуту, чтобы закончить молитву. А лучше день, чтобы подвести итог и насладиться оставшимся временем по-настоящему, зная, что этот день последний. Кому-то позвонить, что-то написать, пройтись по парку, проехаться на такси по городу. И съесть что-нибудь вкусное. Например, шашлык из баранины. Старик отказывал себе в жареном мясе последние лет двадцать, потому что на следующий день мучился жуткими болями в желудке. Но если завтра умирать, то это не имеет никакого значения...

Старик хотел побороться, однако быстро начал терять сознание. Но хватался за его остатки, чтобы позволить жизни промелькнуть перед глазами. Ведь именно так якобы должно быть перед смертью. Но ни одно значимое событие не всплыло в памяти и не отобразилось на экране мысленного взора в виде эпизода или даже застывшего кадра. Как будто и не жил...

Когда ледяные пальцы на шее старика сомкнулись так сильно, что в легкие совсем перестал поступать кислород, он очень себя разочаровал. Вместо того чтобы раскаяться во всех своих грехах, он со злорадством подумал: «Не видеть вам всем злата Кощеева!»

И, успокоив себя этой мыслью, закрыл глаза...

Часть первая

Глава 1

Огромный кабинет в стиле хай-тек. Минимум мебели, и вся она такая хрупкая с виду, что кажется, заденешь — и сложится, как карточный домик. Стены белые, но не как в больнице — в декоративной штукатурке «искры», это измельченные ракушки. На одной из стен плазма размером с бильярдный стол. Потолок стальной, в него встроены разнокалиберные светодиодные лампы, и если включить их все одновременно, создается впечатление, что ты на космическом корабле. Пол черный. В нем, как в зеркале, отражаются огни. А при дневном свете видно каждое пятнышко, поэтому уборщице платят двойную зарплату. Окно от пола до потолка. Жалюзи на нем, как правило, подняты. Хозяин кабинета любит смотреть на город с высоты двадцать второго этажа. Ему кажется, что он парит над городом.

Илья Бердников отошел от окна, возле которого распил бутылку шампанского стоимостью в две тысячи долларов. Это был не самый дорогой игристый напиток из существующих. Лично он видел, как на одном из аукционов российский олигарх приобрел бутылку за двести пятьдесят тысяч. Шампанское предназначалось императору Николаю II, но корабль, перевозивший его, затонул и был поднят спустя сто лет. Бердников же купил «обычный» «Дом Периньон» 1967 года выпуска, запасы которого были случайно обнаружены в одном из подвалов французского особняка. Напиток не королей, но аристократов. Илья не особо разбирался в элитном алкоголе и приобрел это шампанское лишь для

того, чтобы отметить свой успех. Не настоящий — будущий. Он попал на тот аукцион, еще будучи начинающим бизнесменом, и сумма в две тысячи долларов была для него большущей. Машина Бердникова стоила не намного дороже. А тут какая-то бутылка!

В фужере еще оставалось шампанское, но Илья не стал доедать. Ему хотелось кофе. И бутерброд с семгой. Еще вчера он незамедлительно получил бы и то и другое, отдав распоряжение своему помощнику, но с сегодняшнего дня у него началась новая жизнь, в которой не было места любым подчиненным. Илья Бердников продал свой бизнес, и офис, в котором он сейчас находился, был уже не его.

В животе заурчало. Захотелось запахнуть в него хоть что-то. Илья покинул кабинет и переместился в приемную. Здесь всегда царила Марта, бессменная помощница Бердникова. Когда он начинал свой бизнес, Марта была единственной его служащей. И чтец, и жнец, и на дуде игрец: и секретарь, и бухгалтер, и менеджер. Без нее Илья не справился бы. Поэтому он подарил ей часть акций своего предприятия, и теперь, после его продажи, Марта стала обеспеченной женщиной.

Марта была очень полной, подвижной, говорливой женщиной средних лет, густо красилась и пахла цветочными духами. Имела сына, трех обожаемых племянников и четырех мужей, двух бывших, настоящего и будущего. Приемная была небольшой, и Марта заполняла ее всю. Своим телом, ароматами, голосом, вещичками: косметикой, фотографиями близких, шальями и палантинами, под которыми прятала свои телеса. И вот сейчас, когда помощница покинула свое рабочее место, приемная стала неудобной, холодной, брошенной. Она буквально осиротела. Тесное помещение с письменным столом, кухонным уголком и тремя пластиковыми креслами, как в аэропорту. Илья не сомневался, займи Марта его кабинет, там бы тоже появилась душа. А если бы она выбрала себе в начальники не его, любого другого, то тот, другой, а не Илья, добился бы

успеха. Марта приносила удачу. И была фантастической женщиной, поэтому, невзирая на недостатки внешности, имела успех у лиц противоположного пола.

Илье стало грустно от осознания того, что теперь они редко будут видеться с Мартой. Если вообще будут...

В холодильнике ничего не оказалось, кроме кабачковой икры. Те деликатесы, что всегда его наполняли, были съедены днем во время небольшого фуршета после подписания документов купли-продажи. А что осталось, наверняка утащила домой Марта, обожающая всякие вкусности, особенно дармовые. А вот кабачковая икра ее не прельщала. Как и никого, кроме Ильи. Именно для него икра и покупалась. Бердников вырос на ней, и, несмотря на то что теперь его привычной едой стали мраморная говядина, устрицы и трюфеля, кабачковой икрой он продолжал лакомиться.

Открутив крышку и вооружившись ложкой, Илья начал поедать любимый деликатес. Банка ушла за пару минут. Сыто облизнувшись, Бердников вернулся в кабинет. Кофемашины он на привычном месте не обнаружил (ее тоже наверняка прихватила Марта) и решил запить икру шампанским. Выпив еще бокал, Илья отодвинул зеркальную дверку встроенного шкафа и снял с вешалки костюм. Темно-синий от «Хьюго Босс». Под ним рубашка и галстук в тон, сверху целлофановый чехол. Каждый уважающий себя бизнесмен имеет в шкафу смену одежды.

Илья задвинул дверку и посмотрел на себя в зеркало. На нем сейчас похожий костюм, но от «Бриони». Классический однобортный пиджак на трех пуговицах, в меру узкие брюки. Сидит как влитой. И выглядит Илья в нем идеально. В молодости Бердников считался невзрачным парнем. Был слишком худощав, лопоух, лохмат. Волосы торчали ершиком, особенно сильно вздымаясь над левой стороной лба, как говорят в народе, будто корова языком лизнула. Илья считал, что его лохмы не могут хорошо смотреться, поэтому сбрасывал их под два миллиметра. Но когда попал в руки хорошего парикмахера, поразился тому, что из его

«щетки» можно соорудить отличную прическу, с которой он даже выглядел менее лопухим. То, что деньги облагораживают внешность, Илья понял, заработав свой первый миллион долларов. Он смог не только посещать хороший парикмахерский салон, но и спортзал, где его гонял персональный тренер, и начать правильно питаться, и вещи заказывать у лучших портных. Богатство облагородило его. Внешне — совершенно точно. Сейчас, будучи тридцатипятилетним миллионером, Бердников даже самому себе нравился. Высокий, спортивный, загорелый, белозубый, с копной русых с редкой проседью волос, он не мог выглядеть лучше. Разве что если бы сделал операцию на уши и удалил лазером шрам на подбородке. Но на это он идти не собирался.

Бердников сложил ноутбук и сунул его в сумку. Туда же кинул ручку с золотым пером и бриллиантовой крошкой на колпачке. Ручка ему не нужна больше, но не оставлять же...

Илья перекинул костюм через локоть. В левую руку взял сумку, в правую — пустую бутылку из-под шампанского. Хотелось швырнуть ее в телик или в окно, но он не стал этого делать. Выбросил в урну, стоящую у двери, и навсегда покинул свой кабинет.

В здании, где все двадцать два этажа были проданы или сданы под офисы, стояла тишина. Рабочий день давно закончился, поэтому Илья ждал лифта секунд пять. Зайдя в него, он снова посмотрел на себя в зеркало. Лицо невеселое. А он-то думал, что, когда добьется главной цели своей жизни, будет улыбаться беспрестанно и чисто, как идиот.

Начиная свой бизнес в двадцать три года, Илья Бердников дал себе десять лет на то, чтобы достичь успеха. Не просто преуспеть, а заработать столько денег, чтоб их хватило до конца дней. Есть такая пословица: кто хорошо работает, тот хорошо отдыхает. Илья хотел поработать десять лет настолько хорошо, чтобы потом только отдыхать. Но ему понадобилось чуть больше времени. Если бы не кризис, Бердников уложился бы в десятилетие. Но пришлось

потратить лишних два с половиной года. В итоге не в тридцать три, а в тридцать пять он стал не только богатым, но и свободным. Впереди безбедная и беспроблемная жизнь!

Лифт остановился на шестом этаже. Двери разъехались.

— Добрый вечер, Илья Павлович, — поприветствовал Бердникова новый пассажир.

— Здравствуй, Костя. Ты сегодня припозднился.

— Да, пришлось задержаться, чтобы закончить квартальный отчет.

Они были ровесниками, Илья Павлович и Костя. Последний работал менеджером в фирме, занимающейся поставками канцтоваров. Мечтал о повышении. Стремился к нему уже второй год, взваливая на себя кучу обязанностей. Бердников знал парня потому, что Марта жалела его и не только заказывала у Кости скрепки и степлеры для офиса, но и подкармливала его в обеденный перерыв. Она называла его «Белек». Как детеныша тюленя. Марте казалось, что Костя немного похож на него внешне и так же незащищен.

— Когда тебя наконец сделают старшим менеджером? — спросил Илья. Марта просила пристроить Костю к ним, но Бердников уже надумал продавать фирму и не хотел портить Бельку карьеру. Ведь рано или поздно он обязан был добиться повышения.

— В следующем месяце, — бодро ответил Костя.

— Тебе обещали это или ты просто надеешься?

— Ну... — Он сразу поник. Голова опустилась, плечи ссутулились. Типичная жертва. Можно сказать, карикатурная. Рыхловатое тело, втиснутое в ужасающий костюм мышиноного цвета, бледное лицо с безвольным подбородком, редующие волосы, зачесанные набок. Именно такими в голливудских комедиях показывают неудачников.

Лифт тем временем опустился. Двери разъехались. Илья вышел в фойе первым, Костя следом за ним.

— Хочу тебе совет дать, — сказал Бердников. — Пойди завтра к начальнику и перед тем, как отдать отчет, по-

требуй повышения. Не попроси — потребуй. И не слушай отговорок и обещаний. Отчет в обмен на приказ о повышении.

— Я попробую, — неуверенно проговорил Костя.

Илья покачал головой. Нет, не выйдет у Белька ничего. Перенервничает, вспотеет, задрожит и телом, и голосом, и босс, почувствовав слабинку, морально задавит его.

— Знаешь, как меня называют в этом здании? — спросил он у Кости.

— Бэтмен.

— Точно, — усмехнулся Илья и щелкнул себя по оттопыренному уху.

— Нет, не поэтому, — смутился Белек. — Вы сильный, смелый, обитаете наверху, носите темное и ездите на машине, похожей на «бэтмобиль».

— Принято. Так вот, Костя, я ухожу на покой и хочу передать тебе... Нет, не «бэтмобиль», конечно, а вот эти доспехи. — И сунул в руку Кости вешалку с костюмом. — Надень их завтра на работу и почувствуй силу супергероя.

— Это же костюм от «Хьюго Босс», — прошептал Белек. — Он стоит шестьдесят тысяч рублей.

— Девяносто пять, я брал его в ЦУМе. Да, и вот еще что... — Бердников открыл сумку и достал из нее ручку. — Это тоже тебе. Распишешься этим пером в приказе о повышении. Удачи тебе, Костя!

И, ободряюще хлопнув впавшего в ступор Белька по плечу, Илья покинул здание офисного центра.

* * *

Машина Ильи, «бэтмобиль», как сказал Белек, была не особо дорогой. Не «Мазерати» или «Порше». Даже не «Мерседес». Всего лишь «Ниссан», но прокачанный лучшим специалистом Европы по тюнингу авто. Именно ему Илья завтра отвезет машину, чтобы сбечь ее с рук. Тачка больше не нужна, потому что Илья намеревается отправиться в кругосветное путешествие.

Маршрут он пока не разрабатывал. Этому приятному занятию он посвятит несколько дней начиная со следующей недели. Сейчас вторник. То есть времени на то, чтобы отметить свободу, предостаточно. Со среды до воскресенья Илья будет только отрываться. Ходить по барам, клубам, ресторанам, саунам. Бухать, сорить деньгами, снимать телочек. Есть суши с тел азиаток. Отдавать свое тело во власть массажисткам. Наполнять ванны шампанским и забираться в них в обнимку с красивыми цыпочками. Делать ровно то, чем, как ему казалось в двадцать с небольшим, упиваются богачи. Теперь-то Бердников знал, что успешные бизнесмены так озабочены приумножением денег, что не могут расслабиться больше чем на пару часов. Поэтому позволял себе все годы только умеренные развлечения, но сейчас он свободен и может творить что угодно.

Припарковав свой «бэтмобиль», Илья выбрался из салона. Дом, где он жил, был построен в конце тридцатых годов прошлого века и считался тогда самым высоким зданием города. Возвышался над остальными, преимущественно трехэтажными, которыми был застроен исторический центр. В перестройку натыкали «свечек» на тех площадях, что освободились после того, как пожгли сараи и ветхое жилье, но сталинская высотка со шпилем до сих пор оставалась престижнейшим зданием города. И Илья умудрился приобрести в ней квартиру.

От стоянки до подъезда нужно было пройти метров пятьсот, если срезать через дворы. Шагая привычным маршрутом, Бердников увидел скопление людей. Машины «Скорой» и полиции. На первой сигнальная фара не была отключена, и свет слепил Илью каждые несколько секунд. Заслонившись от мигания ладонью, он подошел к толпе.

— Что случилось? — спросил он у сутулого мужика, жадно курящего в кулак вонючую папиросу.

— Убийство. Мужика замочили. Вон, на «Скорой» забирают тело. Глянь.

Смотреть не хотелось. Илья боялся покойников.

— А точно замочили? — уточнил он.

— По башке долбанули монтировкой. Ну или чем-то похожим.

— Видел?

— Не, — мотнул головой собеседник, — слышал. Менты обсуждали.

— Пьяная драка?

— Ни боже мой. Покойник весь в фирме. При часах золотых. Наверняка из буржуйской высотки — толстосумы через наши дворы дорогу от стоянки срезают.

— То есть часы с руки не сняли?

— Не успели. — И с такой досадой мужик это сказал, что Бердникову стало ясно, он сам думал обчистить труп. — Тетки-собачницы обнаружили его еще теплого. Доберманов своих посадили тело охранять, чтоб не подошел к нему никто, и давай звонить ментам.

— Да я не об этом — если часы на руке, значит, не с целью грабежа убили.

— А, ну да, наверное... — Мужик швырнул папиросу в сторону и начал хлопать по карманам в поисках пачки. — Хотя собачницы могли спугнуть нападающего. Слушай, у тебя закурить нет? Я, по ходу, свою пачку выронил.

— Не курю.

Илья зашагал дальше, с каждым шагом ускоряя темп. Хотелось поскорее очутиться дома.

Зайдя в подъезд, он в который раз порадовался, что они избавились от консьержек. Еще два года назад они стояли, точнее, сидели на своих боевых постах. И жутко Илью раздражали. Не все, а один конкретный, Макар Васильевич. Когда-то давным-давно Макар Васильевич служил на границе и подъезд охранял с тем же рвением. Но беда в том, что пройти через КПП Макара не могли не только разносчики листовок и побирушки, но и гости жильцов, не внесенные в список. К холостяку Бердникову постоянно приезжали барышни, порой спонтанно, и он не то что фамилий — имен некоторых не помнил. Поэтому выходил из

себя всякий раз, когда консьерж звонил, чтобы убедиться, имеет ли он право пропускать гражданку такую-то. Именно Бердников инициировал соседей на то, чтобы поменять входные двери, системы допуска и охраны. В каждом подъезде имелись камеры, в квартире домофоны с экраном, а за порядком из своей оборудованной аппаратурой комнаты следил один на весь дом профессиональный охранник.

Лифт поднял Илью на шестой этаж. Двери открылись, он вышел. На площадке было четыре квартиры. Его крайняя слева. Сделав к ней шаг, Бердников остановился. На полу возле двери сидела женщина. Стройная, с длинными темными волосами — волосы падали на лицо и закрывали его целиком.

Сначала Илья подумал, что женщина пьяна. Но запаха алкоголя не учуял. Наркоманка? Но уж очень хорошо одета. И на руках, что беспомощно висят вдоль тела, модные браслеты. Хотя сейчас и богатые сидят на разных вещестах. Особенно модели, содержанки и дочки богатых папашек. А женщина, которую он видел перед собой, вполне могла быть одной из них. Да, он не видел лица, но фигура прекрасная. Ноги просто точеные. Ухоженные блестящие волосы, изящные руки с аккуратным маникюром. Своих соседей Бердников знал плохо. Если не сказать, что не знал вовсе. Барышня могла быть как соседкой, так и гостьей кого-то из соседей. Илья даже допустил мысль, что она элитная проститутка, которую чем-то накачали и вытолкали за порог.

— Барышня, с вами все в порядке? — спросил он у незнакомки.

Та слабо пошевелилась, и только.

— Вам плохо? Если да, то кивните, я позвоню в «Скорую помощь».

— Мне плохо, — услышал он хриплый голос, — но никому звонить не нужно. Спасибо.

— Вы тут живете?

- Да. Я тут живу.
- Одна или с кем-то?
- Одна или с кем-то...

Язык у женщины не заплетался. Но она повторяла фразы Ильи, и это его напрягло. Точно под каким-то мощным кайфом. Он решил оставить наркоманку в покое, зайти в квартиру и позвонить охраннику, пусть разбираются с нею те, кому за это платят деньги, но тут она подняла голову и, убрав волосы от лица плавным взмахом руки, взглянула на Бердникова.

Первое, что он заметил, — это ее глаза!

Зелено-желтые. Миндалевидные. Похожие на кошачьи, но теплые. Потом Илья обратил внимание на кровоподтек на виске. А под волосами виднелась сизая шишка.

— Вы попали в беду? — выпалил Илья, опускаясь на корточки. Незнакомка была не пьяницей или наркоманкой, а жертвой несчастного случая или нападения.

— Не знаю. Не помню. Наверное, я попала в беду.

Девушка (ей было не больше двадцати пяти) схватила Бердникова за локоть. Руки у нее оказались ледяные, и холод чувствовался даже через три слоя материала: шерсть пиджака, шелк подкладки, хлопок рубашки.

— Помогите мне, прошу.

— Я готов это сделать, поэтому и предложил вызвать «Скорую».

— Нет. — Она мотнула головой и тут же коротко застонала.

— Тогда полицию?

— Просто помогите мне попасть домой.

— Хорошо. Где вы живете?

— Тут.

— Я понял, что в этом подъезде, но в какой квартире?

— Я живу тут, — и указала на его дверь.

— Нет, вы что-то путаете, здесь живу я.

Девушка снова опустила голову. Темно-каштановые волосы водопадом низвергались на лицо.

— Этого не может быть, — услышал Илья. — Я тут выросла. Знаю в доме и в квартире каждый закуток. Тут живу я.

— Возможно, когда-то жили? Я купил это жилье четыре года назад, и продал мне его пожилой господин по фамилии Лившиц. Может быть, вы его внучка?

— Лившиц? Абрам Карлович? Отлично его знаю. У него мастерская в подвале. Ребенком я обожала заглядывать туда и смотреть, как дядя Абрам колдует над драгоценными металлами. А еще он тайно антиквариатом торговал. Но я не его внучка. Даже не родственница. И не жил он в нашем доме. У него на соседней улице в бараке комната была. Он все ждал, когда барак снесут, чтоб новую квартиру дали.

Илье было ясно, что в памяти девушки стерлись события последних пяти лет как минимум. При травмах головы и не такое бывает.

— Вас как зовут? — спросил Илья у незнакомки.

— Елизавета, Лиза, — без заминки ответила она.

— Уже хорошо. А фамилия у вас какая?

Девушка задумалась, но всего на пару секунд.

— Весенняя.

— Чудесная фамилия.

— Да, она чудесная... Только я не помню, какая именно.

— Вы же только что назвали...

— Читали рассказ Чехова «Лошадиная фамилия»?

— Естественно, это школьная программа. Там лошадиная фамилия оказалась — Овсов.

— А у меня какая, не знаю. Может, Майская? Вроде нет. Ручейкина? Тоже не то. Ландышева?

Пока Лиза перебирала варианты, Илья отпер дверь. Из квартиры приятно пахнуло полынью. Этот запах ассоциировался у него со счастливым детством. Деревенская бабушка, у которой Илья проводил все каникулы, при помощи сушеной полыни боролась с молью. Она набивала ею носки и шапки, перекладывала свитера, совала в карманы верхней одежды. Все вещи в итоге пропитывались

горьковатым запахом, который, судя по количеству дырок, нравился не только Илье, но и моли. Став взрослым, Бердников не растерял своей любви к аромату детства. Все его одеколоны немного отдавали полынью, а в свой дом он приносил веточку и засовывал ее за подкову, висящую над дверью.

— Лиза, давайте зайдём в квартиру, — обратился к девушке Илья и протянул ей руку, чтобы помочь подняться.

— Но вы же говорите, я в ней не живу, — растерянно проговорила она, но вложила свою ладонь в его.

— Я приглашаю вас зайти в качестве гостя. Напою вас кофе или коньяком. — Девушка встала. Илья отметил, что она не так высока, как он думал. — А лучше — кофе с коньяком. Затем осмотрю вашу рану.

— Какую? — испугалась Лиза.

Илья указал. Девушка коснулась виска, затем переместила пальцы на шишку и вскрикнула. Бердников успокаивающе похлопал ее по плечу.

— Откуда у меня это? — прошептала Лиза.

— Что вы вообще помните из последнего? — спросил Илья, пропуская ее в квартиру.

— Как приятно пахнет, — пробормотала она. — Я помню, как увидела вас, и все...

— А в подъезд как попали?

— Не знаю. Наверное, зашла с кем-то из жильцов. Я пытаюсь напрячь память, но... У меня сразу в голове, — она указала на шишку, — вот тут, будто что-то взрывается, и темнота...

— Вас обязательно нужно показать доктору.

— Нет, не надо!

— Но почему?

— Я панически боюсь врачей. Они чуть не убили меня! — И резко повернулась к Илье, сверкая своими кошачьими глазами. — Я лежала на операционном столе и мысленно кричала: я умираю, спасите... А они ничего не делали.

— Когда это было?

— Не помню, — всхлипнула девушка.

— Тшшшш... Успокойтесь. Пойдемте в кухню. Кофе и коньяк отставить. Я заварю вам чая с мелиссой и накапаю валерианки. Может, вы голодны?

— Нет. Меня подташнивает.

Они переместились в кухню. Илья попытался усадить Лизу на кожаный диванчик, но она взобралась на подоконник со словами: «Мое любимое место».

Бердников включил чайник и достал аптечку. Лиза не следила за его манипуляциями, она смотрела в окно. Взгляд был напряженный. Она то ли вспоминала, то ли пыталась что-то рассмотреть.

— Во дворе одного из соседних домов произошло убийство, — сказал Илья. Взгляд незваной гостьи был направлен в сторону места преступления — там еще мигали огни «Скорой помощи».

Естественно, он бросил эту фразу не просто так. Между насильственной смертью «буржуя» в золотых часах и явлением девушки с раной на голове есть прямая связь. Ведь не бывает таких совпадений.

Они могли быть вместе, когда на них напали. Или напали на нее, но он вступился. Как вариант, он напал на нее, она защищалась и не рассчитала силу удара. А еще нельзя исключать того, что она напала на него, чтобы убить...

И сейчас Лиза Весенняя либо в шоке от пережитого потрясения, либо в актерском кураже.

— Убийство? — переспросила она. — Да, я помню. Мужчину ударили по голове трубой. Он умер на месте.

— Вы его знали?

— Его все знали. Он многие годы дворником работал в нашем дворе. А жил в «больничном» доме. Знаете такой? В войну там госпиталь располагался, вот его так и прозвали.

— У вас опять все в голове перепуталось, — мягко заметил Илья. — «Больничный» дом снесли еще в конце девяностых, а в те годы вы были совсем маленькой девочкой.

— А сколько мне лет? — встрепенулась она.

— На вид лет двадцать пять. И извините, если я дал вам больше...

Лиза задумалась, прикусив пальчик.

— Нет, я думаю, вы дали мне меньше. Потому что бывший госпиталь не был снесен, когда я училась в первом классе. Значит, мне... Тридцать или около того?

Бердников подошел к гостье с тампоном, пропитанным перекисью. Он хотел обработать рану, но девушка отстранилась.

— А вам сколько? — спросила она, посмотрев на Илью снизу вверх.

— Тридцать пять. Позвольте, я окажу вам первую помощь?

— Я сама. — Лиза отобрала у него тампон и убежала с ним в ванную, безошибочно определив, где она находится.

Вернулась девушка спустя минут пять. Чай к тому времени уже заварился и немного остыл. Илья приготовил чай и ей, и себе. Но себе еще и виски налил. Добавляя в стакан лед, подумал, что лед нужно и к Лизиной шишке приложить. Собрался предложить это, но госпожа Весенняя (Илья так называл гостью про себя) подала реплику первой:

— Зачем вы в ванной краны поменяли? Или это не вы, а до вас?

— Я делал ремонт в квартире полностью. И сантехнику, естественно, менял. Когда въехал, она была древней, хоть и в хорошем состоянии.

— Она была старинной, — поправила его Лиза. — Как и дверные ручки. Медные краны и мелкие детали интерьера из графской усадьбы — приданое моей бабушки.

— Ваша бабушка была графиней?

— Нет, что вы! Дочкой конюха. Но когда во время революционной смуты особняк грабили, мой прадед не успел к началу и довольствовался тем, что осталось. — Она прошла к столу и взяла чашку с чаем. — Бабка всю жизнь мыкалась по коммуналкам, поэтому наследство не устанавливала, с собой в сундучке возила. И только в этой квартире краны

и ручки оказались на своих местах. — Лиза улыбнулась с ностальгической грустью. Если она актриса, то по ней плачет «Оскар».

Бердников насыпал в полотенце куски льда и, свернув его, передал девушке. Она без слов поняла для чего. Илья глотнул виски и небрежно заметил:

— Странно, почему вы не забрали «наследство», когда съезжали с квартиры.

Лизино лицо тут же изменило выражение на растерянное.

— Да, это странно, — пробормотала она и вернула чашку на стол. — Как и то, что мы вообще отсюда съехали. Мы все обожали эту квартиру.

— Мы — это кто?

— Я и родители. Бабушка тоже, но она умерла, когда мне исполнилось четыре. И мы остались втроем. Папа называл эту квартиру первым семейным гнездом нашего рода, потому что ни у кого из моих предков не было своего пристанища. Крепостные, наемники, разнорабочие, скитающиеся по чужим и казенным углам. Мой отец был первым в роду, кто чего-то добился.

— Он жив?

— Нет.

— То есть вы помните, когда и при каких обстоятельствах он умер?

— Я просто знаю, что, если бы он был жив, мы бы не съехали.

Илья залпом выпил виски. Лед, оставшийся на дне бокала, выкинул. Спиртного больше не хотелось. А вот съестного — да. Бердников распахнул холодильник и заглянул в его недра. Не пусто, но и не изобилие. Нет ничего такого, что можно съесть тут же и с удовольствием. Пришлось довольствоваться связкой бананов. Очистив один, Илья вгрызся в мякоть.

— Я забыла, как вас зовут, — услышал он.

— Вы и не знали. Я не представлялся. Илья.

— Очень приятно.

— Хотите? — Он протянул девушке банан. Она покачала головой. — Лиза, при вас нет сумки, я это заметил сразу. Спрашивать, где она, бесполезно, я правильно понимаю? — Лиза кивнула. — То есть вы ее потеряли или у вас ее отняли. Но на вас кожаная куртка и джинсы. В каждом из предметов гардероба имеются карманы, проверьте их, пожалуйста.

Лиза тут же начала их выворачивать. На пол упали блеск для губ, пачка мятной жвачки и скомканная бумажная салфетка. Ни телефона, ни ключей, ни документов. Впрочем, Илья и не ждал, что в карманах окажется что-то из этих вещей — женщины такое носят в сумочках. А вот Лиза озадачилась:

— Почему при мне нет денег? Не крупных купюр — мелочи. На проезд или бутылку минеральной воды.

— На проезд? — усмехнулся Илья. — Автобус или метро?

— Да.

— Лиза, я не думаю, что вы пользуетесь общественным транспортом.

— Почему это? Я помню маршрутку под номером «сорок два». И синюю ветку метро.

— Ваша одежда и украшения намекают на то, что у вас имеется авто. Причем не самое дешевое. И если вы не водите сами, то вас возят. А маршрутка и метро — это из вашего детства.

Она задумалась. Снова забралась на подоконник и принялась болтать ногами. Обута она была в слипоны от Кристиана Лабутена. Настоящие. Стоимостью в шестьдесят тысяч рублей. Илья ориентировался в ценах на обувь этой марки, поскольку его последняя пассия бредила «лабутенами» и бросила его из-за того, что Бердников не купил ей ботфорты за сто пятьдесят тысяч. Посчитала это жлобством. Он же богатый. Значит, обязан заваливать свою ба-

рышню баснословно дорогими подарками. И плевать на то, что они встречаются всего два месяца...

— Я вожу машину, — проговорила Лиза. — И делаю это хорошо. Не то чтобы я это вспомнила... Но я сейчас представила себя на дороге и поняла, что знаю правила и понимаю, как маневрировать.

— А что, если вы попали в аварию? — пришло в голову Илье. — Врезались, скажем, в столб, а так как были не пристегнуты, вас бросило к окну и вы ударились виском о дверку. Получив сотрясение, потеряли ориентацию и память.

— Да, это вполне логичное предположение, — протянула она, но в голосе улавливалось сомнение.

— И если оно верно, то ответы на все вопросы мы получим, позвонив в ГИБДД.

Лиза спрыгнула с подоконника, подошла к столу и взяла свою чашку. Чай остыл, она выпила его залпом и сказала решительно:

— Нет, я была без машины.

— Опять ощущение?

— Я в кожаной куртке. Зачем бы мне в машине сидеть в теплой одежде, да еще такой неудобной — она же узкая и сковывала бы движения? К тому же у меня на ногах не туфли на каблуке, с этими джинсами они смотрелись бы лучше, а тапочки, значит, я готовилась к прогулке.

— Это «лоферы».

— О, точно! Подумать только, из моей памяти вылетели даже модные словечки последних лет... — Она рассмеялась.

Илья улыбнулся в ответ. Но тут же стал серьезным.

— Лиза, может, мы перестанем гадать и позвоним в полицию?

Она ответила не сразу. Некоторое время кусала когтяшку указательного пальца (наверняка в детстве грызла ногти), после чего сморщилась, как будто сейчас заплачет,

но глаза не увлажнились, а лишь расширились, и Лиза прошптала:

— Я боюсь.

— Да, неизвестность страшит, я понимаю...

— Нет, я боюсь полиции. Что, если я натворила что-то? Например, убила того мужчину, о котором вы говорили? Тогда меня арестуют, а я даже не найду, что сказать в свое оправдание?

— Покажите руки.

Лиза выставила вперед ладошки. Они едва заметно подрагивали.

— Мужчину ударили по голове арматурой или чем-то подобным, — припомнил слова сутулого курильщика Илья. — На ваших руках остались бы какие-то следы: грязь, царапины, кровь... Вы хрупкая девушка, а покойный — крупный мужчина. Справиться вам с таким было бы нелегко. — Бердников уже забыл, что и сам всего десять минут назад пусть и на миг допускал то, что госпожа Весенняя убила «буржуя». — А у вас чистые гладкие руки и идеальный маникюр.

— Может, я была в перчатках? И подкралась сзади, застав жертву врасплох? Или имела сообщника?

— Вам бы, Лиза, детективы писать.

— А что, если я это и делаю? Ведь я не помню, чем занимаюсь. — Она тяжело вздохнула. Снова потянулась к пальцу, чтобы кунуть его, но отдернула руку и сунула ее в карман. — Спасибо вам, Илья, за все. Но сделайте для меня еще одно одолжение — не звоните в полицию. Не сейчас, по крайней мере. Дайте мне время на то, чтобы прийти в себя. Откуда-то я помню, что страдающим амнезией прежде всего нужен покой. Я отдохну, выплюсь и, глядишь, что-то вспомню.

— Хорошо.

— Ой, простите, я вас обманула. У меня не одна, а две просьбы.

— И какая же вторая?

— Не могли бы вы одолжить мне денег? Я верну. В залог оставляю вам украшения, вы говорите, они дорогие.

— На что вам деньги?

— На гостиницу.

— Без паспорта вас не поселят.

— Да, точно. Но тогда можно квартиру снять, которые посуточно сдаются. Хотя я не знаю адресов...

— Оставайтесь у меня.

Она посмотрела на него странно. Как будто с испугом.

Этот взгляд Ильи расценил по-своему, решил, что Лиза боится, что он за постой потребует расплаты телом, поэтому успокоил:

— Я выделю вам отдельную комнату и не потревожу до утра. Вам незачем меня опасаться.

— Меня поражает то, что вы не опасаетесь меня.

— Есть немного, — улыбнулся он. — Но не на столько, чтобы выкидывать беззащитную девушку ночью на улицу. Оставайтесь, отдыхайте. Завтра мы вместе подумаем, как вам помочь.

— Даже если я ничего не вспомню?

— Выяснить, кто вы, не составляет труда. Если вы жили в этой квартире, вас кто-то из соседей узнает. Дальше дело техники. Мы вернем вам вашу личность как минимум.

Госпожа Весенняя порывисто подалась вперед и обняла Илью, застав его врасплох.

— Вы не представляете, как я вам благодарна, — выпалила она. — Не знаю, что бы я делала, если бы не вы.

И уткнулась ему в плечо. Но тут же отстранилась, засмущавшись.

— Пойдемте, я покажу вам комнату, — предложил Бердников.

— Северную или восточную?

— Северную. Вы займете мою спальню. А я лягу на диване в гостиной, она восточная.

— А не лучше ли мне...

— Не лучше, — отрезал Илья. — Вам надо выспаться, а в гостиной солнце шпарит в окна с раннего утра.

«К тому же я буду видеть дверь спальни, — про себя добавил Илья. — И ты не выскользнешь оттуда незамеченной. У меня острый слух, и я среагирую на любой шорох».

Лиза Весенняя зацепила Бердникова. Ему нравилось в ней все: ее голос, низкий, но не грубый, ее тонкое тело с плавными изгибами, густые темные волосы, скуластое лицо с кошачьими глазами. Но Илья оставил ее у себя не потому, что влюбился без памяти и тут же поглупел. Он допускал, что им пытаются манипулировать. Более того, он к этому склонялся. Лизе Весенней он не доверял. Впрочем, он на сто процентов не доверял никому. Даже Марте на восемьдесят. А своей сегодняшней гостье... На тридцать? Да, пожалуй. И это было доверие авансом. Но он оставил ее у себя... из любопытства. Илье было интересно, чем закончится история Лизы. Кто она? Почему оказалась у его двери? Как повредила свою голову? Сколько в ее словах вранья? В настоящее время модны квесты. Игры, в которых участвуют люди, чтобы пощекотать себе нервы. Они платят деньги и проходят стандартные задания, как правило, для того, чтобы выбраться из здания. Скука! А тут такой квест намечается, что куда ему до запланированных пьянок и гулянок.

«И все же ценные вещи стоит убрать в сейф, — сказал себе Бердников. — И не пить ничего из рук Лизы. Карманы она вывернула, но ампулу с клофелином можно и в лифчик сунуть».

Все это пронеслось в голове Ильи за считанные секунды. Он больше не стал отвлекаться на эти мысли. Показав Лизе комнату и выдав ей футболку и полотенце, он вернулся на кухню. Заварил еще чаю, себе и гостье. Есть хотелось, но уже не так сильно, и Илья решил обойтись без ужина. Когда он вернулся в спальню с чашкой, Лиза уже спала.

Не переодевшись, а только разувшись. И даже не почистив зубы.

Илья поставил чай на тумбочку, накрыл девушку одеялом и вышел, тихо закрыв за собой дверь.

Глава 2

Мария плакала весь вечер и половину ночи. Плакала до тех пор, пока не высохли слезные каналы. Она ждала, когда наступит облегчение. Но этого не случилось. Маша уснула с тяжелым сердцем лишь оттого, что устала реветь.

Утром она едва разлепила веки. Глаза опухли, и Мария перед тем, как глянуть на себя в зеркало, приложила к ним лед. Однако лед если и помог, то не сильно. Увидев свое отражение, Маша ужаснулась. Не человек — свинья. Именно свинья, а не милый поросенок. Толстые красные щеки, раздувшийся нос-пяточок, маленькие заплавленные глаза. Мария схватила с полочки крем от отеков и начала яростно втирать его в кожу. Но тут же отшвырнула тюбик. Ей ничего не поможет! Ни лед, ни крем. Даже когда с лица спадет краснота и одутловатость, Маша останется дурнушкой. Свинкой с лоснящимися щеками и маленькими глазками.

Нестерпимо захотелось заплакать. И так как слезные каналы успели наполниться, Мария приготовилась к реву, но тут в дверь позвонили...

Коля? Коля вернулся?

Уходя от Маши вчера, он бросил на тумбочку в прихожей ключи от квартиры, и ему нечем открыть замок.

Мария не знала, что делать. Открывать сейчас и показываться перед любимым в таком виде она не могла. Но и медлить боялась. Что, если за то время, пока она пытается хоть как-то прихорошиться, Коля подумает, что ее нет дома, и уйдет? Маша быстро сменила гигантскую полоса-

тую футболку, в которой спала, на шелковый халат в лиях, цапнула косметичку и выбежала в коридор.

— Иду! — крикнула она. Если за дверью Коля, она скажет, чтоб обождал минутку, и за это время запудрит щеки и нарисует стрелки. Если же не он... (Пусть это будет он, Господи!), то просто не откроет. — Обождите секунду.

Маша подлетела к двери и с надеждой припала к глазку.
Не Коля!

Какой-то незнакомый мужик с всклокоченными рыжими волосами. Похож на солиста «Иванушек», но помладше и пониже.

Мария открыла дверь и неприветливо спросила:

— Вы кто?

Рыжий достал из кармана джинсовой куртки удостоверение и продемонстрировал его.

— Полиция? — поразилась Маша. — А вы уверены, что по адресу?

— Тут проживает Мария Анатольевна Эскина?

— Да, это я.

— Значит, по адресу. Могу войти?

Маша посторонилась. Она мельком глянула на удостоверение, поэтому не запомнила имени и фамилии полицейского. Решила поинтересоваться, как его величать.

— Игорь Павлович Замятин, — представился тот. — Где нам будет удобнее поговорить?

— Пойдемте на кухню. Я сварю нам кофе.

— О, это будет кстати, — оживился Замятин. Судя по помятой физиономии, он мало спал этой ночью. И выглядел так же паршиво, как и Маша. Пожалуй, они были похожи, только она блондинка, а он рыжий. — Вы с кем живете, могу я узнать? — спросил он, наклонившись для того, чтобы расшнуровать кроссовки.

— Одна... С некоторых пор.

— С каких, если не секрет?

— Да какое это имеет значение? — вспыхнула Маша. На свежую рану соль сыпет!

— И все же ответьте, — он попросил, не потребовал, и все же напомнил о том, с кем Маша разговаривает: — Я представитель органов и если задаю вопрос, то не из праздного любопытства.

— Мой гражданский муж ушел от меня вчера. — И дернула подбородком в сторону связки ключей, оставленных Колей.

— Вы, наверное, когда звонок прозвенел, подумали, что он вернулся, — проницательно заметил опер.

Маша оставила этот комментарий без внимания и повела Замятина в кухню.

— Присаживайтесь, — сказала она. — А я займусь кофе.

Опер тут же плюхнулся на стул. Стул был крутящимся, и Замятин начал играть, поворачиваясь то в одну сторону, то в другую. Машу это раздражало, но больше раздражало то, что ей не говорят, что нужно полиции от ее скромной и далеко не криминальной персоны. И она решила это выяснить:

— Не пора ли сказать, зачем вы явились ко мне?

— Вы правы — пора. Меня интересует ваш гражданский муж. Гладков Николай.

— Он что-то натворил?

— А что, был способен на это?

Мария резко повернулась, едва не снеся локтем поставленную на плиту турку.

— Перестаньте меня прощупывать! — воскликнула она. — Иначе я попрошу вас уйти. А если вы этого не делаете, позвоню куда следует.

— Тете-прокурору? Я в курсе, что у вас железобетонные родственные связи. Впрочем, как и все в моем отделе. Никто не хотел с вами связываться, я оказался самым смелым. Кстати, тетка ваша в отпуске. Загорает на Мальдивах вторую неделю. Не знали?